

Ж.-Л. Годар: ДОЖДЕМСЯ ЛИ «НОВОЙ ВОЛНЫ» В КИНО?

«Что же такое кино?» — этот вопрос как бы постоянно задает в своих работах известный режиссер Ж.-Л. Годар. Один из представителей «новой волны» во французском кино, он, по мнению критиков, оказал значительное влияние на весь мировой кинематограф.

Фильмы Ж.-Л. Годара, которые у нас остаются практически неизвестными широкому зрителю, уже стали классикой мирового кино: «На последнем дыхании», «Женщина есть женщина», «Альфавиль», «Безумный Пьеро», «Сделано в США», «Китайка», «Уикэнд» и другие. Это художник-экспериментатор, режиссер-философ, который использует в своем творчестве самые различные формы и жанры — повествование, интервью, расследование, политическое эссе.

В эти дни Ж.-Л. Годар — впервые гость нашей страны. Накануне его поездки мне удалось побеседовать с ним. Некоторые его высказывания показались непривычными, парадоксальными, как и его картины.

— Я никогда не был в Советском Союзе, — говорит Ж.-Л. Годар. — Очень буду рад показать фильм режиссера Анн-Мари Мьевиль «Мой дорогой предмет» (я продюсер фильма). Кроме того, последние 3—4 года я занимаюсь историей мирового кино, готовлю серию фильмов и собираюсь показать результаты этой работы советским кинематографистам. Мне также хотелось бы получить некоторые советские ленты: и те, что уже стали классикой, и менее известные работы. Помимо Эйзенштейна, меня интересуют ныне забытые на Западе режиссеры Б. Барнет и Ф. Эрмлер. Ваше кино сыграло огромную роль в истории мирового кинематографа, а мне так не хватает документального материала.

— Однажды вы сказали, что, если бы существовали подобные культурные обмены, вы хотели бы «обменяться» с нашим режиссером Сергеем Параджановым...

— В прошлом на Западе, особенно во время летних каникул, практиковался обмен детьми. Помню, что еще ребенком я жил в немецких, английских и швейцарских семьях, детей которых потом принимали мы. И вот мне хотелось бы «обменяться» с Параджановым, если, конечно, он согласится: я бы приехал в Советский Союз на два года.

— Как бы вы охарактеризовали эволюцию мирового кинематографа?

— В первые десятилетия нашего века наиболее сильным было французское кино. После первой мировой войны существовало два независимых кинема-

тографа — русский и немецкий. После настало время наступления американского кино, и во многих странах к Голливуду относятся скорее положительно. Но вот министр культуры Франции Ж. Ланг пытается «спасти» остатки былого величия французского кино, но мне кажется, что его предложения (имеющие целью вывести французское кино из кризиса.—Ю. К.) попадают на неподготовленную почву.

— Какое место занимает кино в нашей жизни?

— Меня удивляет то, что, хотя его роль угасает, люди все-таки сохраняют к нему интерес. Правда, конечно, время от времени появляются хорошие, интересные фильмы, но все-таки кино под влиянием американского кинематографа, на мой взгляд, исчезает как самобытный, национальный вид искусства. С эстетической точки зрения, я считаю, значительных режиссеров сегодня нет. Есть просто люди, которые занимаются кино. Они могли бы стать великими, но телевидение, общее состояние нынешней культуры мешают им стать таковыми. Феллини? Бергман? Но это представители уже другого поколения...

— Не отражает ли в определенной степени кризис кино кризис культуры в целом?

— Отражает, и на все сто процентов: кино как вид искусства появилось последним и унаследовало от своих «родителей» все болезни. Меня тревожит, что культура, в которой мы живем, в такой степени американизирована. А ведь мы, к примеру, так мало знаем об исламе, о Китае, о России...

— А ваше отношение к театру? Вы, кажется, не любите его?

— Я сам никогда не работал в театре, не ставил пьес. Вообще же мне кажется, что кино гораздо ближе к жизни, чем театр. Я отношусь к нему с уважением, но мне всегда кажется, что актеры на сцене говорят нарочито громко. Просто кричат. Я считаю, что в таком случае лучше заниматься политикой, а не театром.

— Ну а что же тогда вы думаете о политических деятелях?

— Вот они-то и должны играть в театре. Кстати, они и занимаются этим.

— Влияли ли политики на ваше искусство? Я знаю, что в свое время после вашей ленты «Маленький солдат», рассказывающей о французском дезертире в годы алжирской войны, лидер французских «ультра» Жан-Мали ле Пен потребовал вашей высылки из Франции.

— Да, и я очень горжусь этим. Но потом и папа римский потребовал запретить мой фильм «Я приветствую тебя, Мария!».

— Вы упомянули только что

в одном из ответов телевидению. Помню, в одном из прежних интервью вы заявили, что телевидение стало нашим «хозяйном», «владышкой», «государем»...

— Хуже! Это нечто чудовищное. Если бы я обладал властью, то ограничил бы телепередачи одним часом в день. Но это не значит, что телевидение вообще надо запретить, его просто надо сделать лучше. Этот мощный инструмент настолько плохо используется, что он в итоге перестал приносить пользу. От него же никуда не скроешься, не спрячьешься! В Европе люди постоянно смотрят, причем одни и те же программы, и даже ведущие и дикторы похожи друг на друга!

— Но у вас, наверное, есть дома телевизор?

— Целых сорок. Но это — профессиональная необходимость. Время от времени я смотрю выпуски новостей, но плохо сделанные репортажи-информации меня нервируют.

— Вас называют представителем «новой волны» в кино. Что же, на ваш взгляд, дала в свое время «новая волна» кинематографу?

— Веру в то, что показывалось на экране. Она высветила то, что раньше оставалось в тени. С тех пор эта вера исчезла, но сейчас я вижу, что она появляется вновь, но уже в другом обличье. Кафедральные соборы — а кино как раз было именно таким собором — больше не существуют. Они превратились в объект коммерции.

Можно ли ожидать еще одного появления «новой волны»? После того как торговцы убили море (режиссер здесь именует «морем» кино.—Ю. К.), на нем не может родиться волна: на мертвом море не бывает волн. Но все-таки хочется верить в ее появление. И именно поэтому я сохраняю оптимизм.

— Помимо истории кино, над чем вы сейчас работаете?

— Я снимаю ленту, которая как раз и называется «Новая волна», с Аленом Делоном в главной роли.

— И в завершение беседы «общечеловеческий» вопрос: что волнует вас сегодня больше всего?

— Мне представляется, что сегодня люди перестали размышлять. Перестали общаться, попросту интересоваться друг другом. Мне кажется, что сегодня люди более разобщены, чем несколько столетий назад. Мы сейчас еще меньше знаем друг о друге, чем в средневековье...

Ю. КОВАЛЕНКО,
соб. корр. «Известий».
ПАРИЖ.